

ГЛАВА 1

На следующий день он решил, что поедет с Брюнхвальдом и Рене, выберет место под лагерь. Нашли хороший пустырь у реки, чуть выше по течению, чем Лейдениц, как раз на дороге к Эвельрату. Там и к реке доступ, и непролазные заросли для костров вдоль берега, и места для нужников. К тому же мужики, хозяева тех дебрей, были нежадны.

Рене был назначен комендантом лагеря и с тридцатью людьми остался ставить первые палатки. Окапывать и возводить частоклад нужды не имелось — чай, чужих войск нет. На обратном пути пришлось переждать резкий ветер и ледяной дождь, но на молчаливый вопрос капитан-лейтенанта, на кой черт городить городушины и строить лагерь за рекой, да еще хоть и немного, но платить за дурную землю, если своей дурной земли мерить не перемерить, Волков так и не ответил.

Зато на пристани кавалер встретил своего купца-шпиона Гевельдаса, который оказался очень кстати. Они остановились и долго говорили наедине. Волков никого не подпускал к себе: ни Максимилиана, ни племянника Бруно, хотя тот и ждал своей очереди поговорить.

Затем купец Гевельдас поехал с Волковым к нему домой, где они, позвав умного попа брата Семиона, уселись втроем за стол и стали писать во множестве вексель-расписки на крупные суммы денег от имени кавалера полковника господина фон Эшбахта. Тех расписок вышло много. Бумаги были разного до-

стоинства, от двадцати талеров славной земли Ребенрее до ста монет. И лишь после этого они звали к себе ждавшего распоряжений капитан-лейтенанта Брюнхвальда, которому Волков все объяснил:

— Денег я вам, Карл, не дам. Вот расписки и векселя на мое имя, платите ими. Старайтесь расплачиваться этими векселями во Фринланде.

— А будут ли купчишки из Фринланда брать ваши векселя?

— Так вы сделайте так, чтобы брали. Вот и господин негодник Гевельдас тому способствовать будет. И говорите, что до мая все векселя окажутся погашены или товары возвратят — на то я даю свое рыцарское слово.

— Ясно, — соглашался Брюнхвальд. Ему все равно, он будет делать так, как ему скажет Волков, за это тот его и ценит.

— Телеги и палатки можете покупать, с лошадьми не торопитесь: нет смысла их сейчас кормить, если понадобятся они лишь к апрелю. Бобы, соль, сало тоже приобретите. Думаю, если Бертье и его сержанты расстараятся, скоро уже начнут приходить в лагерь люди. Их-то кормить придется. Сильно не торгуйтесь, купчишки жадничать будут, так вы уступайте, авось бумагами платим, а не серебром.

— Но после же все одно — придется платить серебром, — заметил капитан-лейтенант.

— Так то после будет, — беззаботно отвечал кавалер. — Придет время, и если жив буду, так рассчитаюсь, авось не вор.

Так дело и пошло. Ни в чем этому его делу препятствий не было. Во Фринланде, Ланне и Малене нашлись люди, готовые воевать. Уже пару лет те места империи жили без войны, и добрых людей, которые готовы были взяться за железо, оказалось предостаточно. Два опытных офицера так и вовсе пришли наниматься из Вильбурга, не сыскав для себя работы у курфюрста Ребенрее.

И старый его знакомец из Ламбрии, Стефано Джентиле, объявился — ушел было недалеко на юг, а как услышал, что Волков собирает войско, поговорил с корпоралами роты, и они вместе

решили вернуться на север, чтобы еще раз встать под бело-голубое знамя кавалера. Однако Волков их брать не спешил. Конечно, хорошие арбалетчики всегда нужны, но, во-первых, кавалер хотел довести количество своих стрелков, стрелков с огненным боем, до трех сотен — свои всяко лучше наемных, а во-вторых, он хотел уменьшить сумму найма ламбрийцев. Те из спеси своей, гордыни и жадности просили пять талеров на человека в месяц — меры совсем не знали. Поэтому пока кавалер дозволил ламбрийцам жить в лагере на его харчах, но контракта им не обещал, говорил, что подумает.

Дел стало у него так много, что уходил он на заре, едва поев, и приезжал к ночи. Много времени отнимали у него купцы: все, все хотели от него личных обещаний, что по вексялям расплатится. Волков встречался со всеми, никому не отказывал и всякий раз повторял, что обязательно по вексялям платить будет, что до мая расплатится. Клялся в том на Писании, и ему верили. А как не поверить: Божий рыцарь на святой книге покаялся. И купчишки везли Карлу Брюнхвальду все что нужно. И недели не прошло, как в лагере за рекой раскинулись палатки во множестве. Появились над кострами огромные двадцативедерные чаны, в которых крепкие повара кипятили воду, варили бобы или горох. Вдоль дорог выстраивались ровные ряды крепких обозных телег. С утра над рекой разносился медный звон, трубачи играли побудку, после били барабаны. И больше трех сотен уже набранных людей вместе с новыми офицерами и новыми сержантами занимались с утра построениями, делились на роты, знакомились.

Как-то поутру вышел Волков, а веселый Бертъе болтает с Увальнем. Доложил кавалеру, что вчера вечером привел в лагерь еще тридцать шесть очень хороших людей и пришел за деньгами для новых контрактов.

Волков денег ему отсчитал, и они сели было завтракать, как вдруг наверху, там, где были покои жены, графини и матери Амелии, послышались крики, началась странная суета. Когда удивленный кавалер просил Увальню узнать, что там происходит, ду-

мая, что бабы снова затеяли свару с руганью, так посыльного наверх даже не пустили, монахиня гнала его обратно, сказав, что мужчинам нельзя туда. Тогда кавалер остановил деву-служанку с тазом горячей воды, бежавшую наверх, и требовал от нее сказать, что случилось, на что та радостно сообщила:

— Графиня протекла, рожать надумала.

Волков и опешил. Ждал, готовился к тому, а тут раз — и все равно неожиданно вышло. Впрочем, как и обещала мать Амелия, и двух недель с того их разговора не минуло. Ему поначалу даже есть расхотелось, а Бертье, радостно поедая фасоль с мучной подливой на говяжьем бульоне, уже стал его поздравлять. Волков ответил зло, чтобы не каркал раньше времени. Бертье с ним согласился и, видя, что хозяин сильно волнуется, забрал с собой кусок сырного пирога и ушел, сказав, что расскажет всем о новости.

А кавалер действительно есть не мог. Когда с ним такое только было? Да никогда, разве что из-за болезни такое приключалось, а тут — ну не лезет в горло кусок, и все. Хотя самый сильный аппетит у него, как и у всех, кто служил в солдатах, был всегда с утра. Кавалер приказал нести себе вина. Ничего, что утро.

Он так и пил. Сидел и пил вдвоем с Александром по прозвищу Увалень, глядя, как девки носят и носят наверх тазы с горячей водой, полотенца, простыни...

— Ну что там? — спрашивал у них Волков время от времени, вертя в руке опустевший бокал.

— Рожает, господин, еще не разродилась, — отвечали девки одно и то же.

И тут одна из бегавших девок перегнулась через перила, крикнула:

— Господин, разрешилась графиня! У вас племянник!

«Племянник? Да-да, конечно, племянник! Кто же еще!»

Он так и сидел в нерешительности. А сверху, сквозь другие звуки, разговоры и шум, донесся детский плач — обиженный, недовольный. Но никак не испуганный. Нет, совсем не испуганный.

— Спроси у монахини, можно мне его видеть? — наконец вымолвил Волков.

— Можно-можно, — говорила мать Амелия, спускаясь по лестнице. — Графиня сейчас спустится.

— Спустится? С ней все в порядке?

— А чего ей будет, кобылице-то. Видно, в вашу породу пошла: крепка, как и вы. Я таких крепких не видала за всю жизнь. Уже встала, слуг ругает.

И вправду, кавалер увидал, как по лестнице спускается девка дворовая, за ней Бригитт, а уже за ней сама Брунхильда. Идет осторожно, под ноги на ступеньки смотрит и несет в руках сверточек.

— За попом послали? — кричит монахиня.

— Ой, сейчас пошлю, — всполошилась Бригитт. — Эй, Анна, беги найди отца Семиона, он либо в церкви, либо в кабаке.

А с кухни выбежали все: и Мария, и мужики с конюшни. И Максимилиан приехал, и Увалень, и Ёган в грязных сапогах следит в чистой зале — все хотят видеть новорожденного.

А Брунхильда подходит к Волкову, показывает ему младенца. Волков замирает поначалу, а она и говорит, многозначительно глядя кавалеру в глаза:

— Вот, братец, кровь ваша.

— Дозвольте взять, — просит он, отводя глаза от нее и глядя на младенца.

Она передает ему мальчика, страшенького, темного лицом, кажется, едва живого. Он показался кавалеру очень легким.

— Мелок он. Невесом совсем, — заметил Волков.

Лучше бы такого он не говорил: глаза графини вспыхнули гневом, того и гляди кавалер схлопочет оплеуху сестринскую, как уже бывало некогда.

— Нет, — говорит монахиня, — совсем не мелок: то ваша порода, не Маленов. Малены невелики, а он велик. Как графиня родила его так легко — диву даюсь.

— Дайте сюда! — победным тоном требует Брунхильда после слов монахини.

Но Волков не отдает.

— Нет, еще подержу. — Бережно держа ребенка, он садится в кресло. — Ему надобно теперь и имя придумать.

— Все уже придумано и согласовано с домом Маленов, с семейной книгой, — говорит графиня. — В честь деда его первое имя будет Георг, в честь дяди, славного воина, — Иероним. Итак, сын мой будет зваться Георг Иероним Мален фон Грюнфельд.

— Георг Иероним Мален фон Грюнфельд, — повторил Волков, глядя на младенца. — Да, пусть так и будет. Пусть так и будет.

— Надеюсь, — негромко, но с претензией продолжала Брунхильда так, что, кажется, один Волков ее слышал, — имя это будет не пустое. Надеюсь, что к своему имени мой сын и поместье получит.

— Обязательно получит, — так же тихо уверил Волков. — Какой же он Грюнфельд, коли у него поместья не будет. — И, уже вставая из кресла, он поднял ребенка повыше и сказал громко: — В честь племянника моего — вина! Всем вина, слугам вина. Мария, госпожа Ланге, велите резать свиней и кур, хочу большой пир.

Он обещал Брунхильде, что «племянник» будет иметь свой удел. Но это был как раз тот случай, когда легко только обещать. На самом же деле, даже имея на руках брачный контракт и вдовый ценз, оформленные по всем правилам, для вступления во владение поместьем Грюнефельде нужно было согласие графа. Или хороший отряд солдат. Но Волкову не хотелось опять и опять решать все силой. Его и так не любили местные дворяне, это было ясно, усугублять эту нелюбовь очередной грубостью не стоит. Поэтому следующим утром кавалер позвал к себе Максимилиана.

— Возьмите с собой двух хороших людей, фон Клаузевица и еще кого-нибудь, и езжайте к графу в Малендорф. Скажите, что я прошу его о встрече. Хочу увидаться с ним на границе наших

владений, в том месте, где в прошлый раз встречались для решения важного дела. Едете с визитом официальным, так что возьмите с собой малый флаг мой.

Максимилиан понимающе кивал.

— А согласится ли граф выслушать меня, примет ли?

— Думаю, что уже донесли ему, что я собираю солдат во Фринланде. Также думаю, что не захочет он увидеть тех солдат под стенами своего Малендорфа. Поэтому примет и выслушает. Вы же говорите с ним без грубости, но с достоинством. Помните, вы под знаменем моим и представляете меня.

— Да, кавалер.

Не успел Максимилиан уехать, так наверху опять шум, опять ругань. Новоиспеченная мамаша бранила кормилицу за неопрятность и госпожу Ланге за жадность. Потом, шумная и раздраженная, спустилась на первый этаж и без обиняков заявила кавалеру:

— Мне надобны деньги. Платьев у меня новых нет, рубахи хуже, чем у черни, башмаки все так стары, что их даже прислуга не ворует. Дайте мне, братец, денег, хоть чуть-чуть. — Волков даже не успел спросить, сколько это «чуть-чуть» в талерах, как госпожа графиня уточнила: — Дайте хоть талеров триста.

«Чуть-чуть — это триста монет?!» Но спорить кавалер не стал — графиня путь прошла тяжелый, и отличный мальчик-крепкош дался ей нелегко. Единственное, он дал ей десять гульденов, что равнялось всего двумстам семидесяти — двумстам восьмидесяти талерам, в зависимости от курса у менял.

Брунхильда сразу схватила деньги цепкой рукой, уж в этом она совсем не поменялась, и тут же велела запрягать свою карету, сказав Волкову:

— Еще думаю себе служанку в городе нанять, местные ваши девки все дуры да деревенщины, мне они не подходят.

«Ну уж нет, обойдешься местными».

— Даже не думайте, я городских оплачивать не буду, найдите себе помышленее из местных, — не согласился Волков.

Графиня лишь скривилась и, оставив чадо на монахиню и кормилицу, укатила в город за покупками.

В то же утро приехал Иоахим Гренер и был очень, очень рад услышать от Волкова, что тот предлагает ему чин кавалерийского капитана и, соответственно, капитанское содержание и капитанскую долю в добыче, коли та будет.

— Друг мой, дорогой мой сосед, уже и не знаю, как вас благодарить.

— Полно вам, — отмахивался кавалер.

— Да как же «полно», когда сие честь для меня, истинное счастье — к старости получить такой чин от настоящего полковника его императорского величества. Кстати, поздравить вас с чином, господин полковник, — говорил старик, едва сдерживая слезы.

— Хорошо, хорошо, — кивал Волков, — спасибо вам, друг мой, но давайте уже поговорим о делах.

— Конечно, конечно, господин полковник, давайте.

— Надобно мне, дорогой сосед, набрать эскадрон кавалерии, не рыцарской стати, пусть всадники будут полегче, но при хорошем доспехе, на то выделю денег. Еще дам вам свой выезд, всех, даже фон Клаузевица.

— Господин фон Клаузевиц добрый рыцарь, — согласился Гренер.

— Вот и возьмите его себе лейтенантом, деньги я вам выдам. Деньги дам хорошие — по пятнадцать монет на человека в месяц.

— Отличное содержание, на такие деньги мы без труда найдем хороших людей.

— Но!.. — Волков поднял палец в качестве предупреждения.

— Да, кавалер? — Гренер слушал его со всем вниманием.

— В эскадроне не должно быть никаких благородных господ, никаких гербов и флагов, флаг и цвета только мои. И чтобы каждый кавалерист знал, что я не допущу и намека на неповиновение или самоуправство.

Гренер отлично понимал, о чем говорит Волков.

— Именно так и сделаю, господин полковник. В эскадроне будут полная строгость и дисциплина. Я за тем прослежу.

— Абсолютная дисциплина! — повторил Волков. — И доведите до сведения набираемых людей, что я не погнушаюсь при надобности скрестить оглобли, даже если кто-то будет из благородных.

— Доведу до сведения всех, что за неповиновение или слушание вы будете вешать.

— Мы будем вешать, мы, дорогой сосед, — уточнил Волков.

— Да-да, мы будем вешать, господин полковник, — исправился капитан Гренер.

ГЛАВА 2

А тем временем уже пора было собираться в дорогу в Нойнсбург, на военный совет к маршалу фон Боку. Наум Коэн говорил, что через две недели Волкову нужно быть на военном совете, неделя-то уже прошла, а до Нойнсбурга путь неблизкий — город сей от Ланна почти в полутора днях езды, то есть от Эшбахта почти пять суток пути.

Вечером кавалер собрал офицеров, чтобы решить, кого из них взять на совет. Конечно, не хотел он оставлять новый лагерь без Карла Брюнхвальда, но все-таки своего капитан-лейтенанта решил взять с собой, главным в лагере назначил капитана Рене, отрядив ему в помощь нанятых офицеров. Роху и кавалериста Гренера тоже взял с собой. А Бертье оставил, тем более что ехать тому не хотелось, уж больно он увлекся наймом солдат, в чем преуспевал. Также Волков собирался взять с собой выезд.

Бригитт слушала разговоры о приготовлениях к поездке внимательно и, дождавшись кавалера вечером в постели, поправляя ему волосы, рассеянно и мимолетно-задумчиво сказала:

— Господин, вы заросли, надобно вам подстричься перед поездкой.

— Вы правы, вы, как всегда, правы, — согласился он, целуя ее запястье.

— А возьмите меня с собой, — вдруг попросила красавица, — карета у меня есть, конюх есть, служанку возьму да и поеду с вами.

Волков уставился на нее не то удивленно, не то обрадованно. А госпожа Ланге продолжала, глядя на него и опять трогая его волосы:

— Надоели мне эти дуры, видеть их, слышать их больше не могу. И раньше-то дом был шумным, а как графиня приехала, так житья в нем совсем не стало.

Он молчал, думая о поездке с Бригитт в Нойнсбург, представляя ее себе.

— Я хоть Ланн посмотрю, а то я кроме Малена других городов и не видала, разве что в Вильбурге в детстве была.

Кто, как не она, заслуживала всего, о чем просила. Не будь Бригитт мелочна и зла, мстительна, хитра и подла по отношению к Брунхильде и Элеоноре Августе, то ему и упрекнуть-то ее стало бы не в чем. И в ведении хозяйства, и в уме, и в своей ненавязчивой ласке, в строгой опрятности и в безупречной красоте — во всем она была хороша. А за бабьи дразги Волков, конечно, упрекать ее не хотел — с этим всем женщины сами пусть разбираются. Единственно, о чем он думать стал, так это о том, что лучше в Ланне ему с ней остановиться в трактире. Почему-то совсем не хотелось вести ее в дом, где хозяйничала Агнес.

Кавалер никак не мог принять решение, взять ее или отговорить от поездки. Может, отговорить на этот раз. После, после как-нибудь возьмет ее в прекрасный город Ланн и, может быть, даже познакомит с архиепископом... Но Бригитт тут вдруг сказала:

— Хорошо бы мне с вами поехать, да не получится ничего.

Волков опять, не говоря ни слова, смотрел на нее, на сей раз удивленно. А она продолжала:

— На кого же я брошу поместье? На нашу госпожу пришибленную, на Ёгана, на Марию или, может, на эту графиню вашу? — Она поцеловала его в щеку и легла на подушки рядом. — Нет, в следующий раз поеду, как вы с войнами своими угомонитесь, так и поедем.

Все-таки Бригитт была редкой умницей. Как будто слышала его мысли, даже самые сокровенные. Он положил руку ей на

бедро, на горячее сильное бедро молодой женщины. А она сразу ожила, словно ждала этого, схватила его пальцы и подняла к себе на живот, прижала к себе крепко, а после перевернулась и стала целовать его жарко, обнимать стала. Последнее время она постоянно искала близости, даже когда кавалер к ней не стремился, но Бригитт его прохладность не останавливала, она чуть не требовала от него ласки. Кажется, монахиня была права — присутствие в доме беременных женщин словно подстегивало госпожу Ланге. А он старался ей не перечить, пусть будет так, как ей хочется.

Кавалер приехал на встречу с одиннадцатью сопровождающими, а граф не поленился взять с собой аж два десятка человек. Волков уже даже подумывал, не соблазнится ли граф напасть, но Теодор Иоганн, девятый граф фон Мален, был не из тех, кто действует подобным образом. И они начали разговор, не слезая с коней.

— Рад сообщить вам, что графиня благополучно разрешилась младенцем мужского пола, дорогой родственник, — начал Волков сразу после приветствия. — Графиня велела назвать младенца в честь вашего деда, дать ему имя Георг Иероним Мален фон Грюнфельд.

— Прекрасное имя. Что ж, поздравляю вас, — холодно отвечал граф. Он прекрасно знал, о чем пойдет разговор, и уже подготовил ответы, но ритуалы вежливости нужно было соблюсти. — Надеюсь, графиня во здравии? Впрочем, ясно, что во здравии, ваша порода весьма крепка.

— Благодарю вас, здоровье графини прекрасно, — подтвердил кавалер. — Я, кстати, звал вас, дорогой родственник, чтобы узнать, когда графиня и брат ваш смогут вступить во владение поместьем Грюнефельде, которое принадлежит ей по вдовьему цензу.

— Сие дело вы затеяли напрасно, — так же холодно отвечал Теодор Иоганн, — фамилия не думает, что поместье принадлежит вашей сестре и ее... ребенку.

— Но есть же брачный договор, — напомнил кавалер. Уж в этом он не сомневался, договор был заверен лучшими нотариусами города Малена.

— Фамилия считает, — граф почему-то не говорил «я считаю», — что, когда графиня понесла, батюшка был уже недееспособен. Фамилия считает, что ребенок был зачат несправедливо. А посему ни он, ни графиня не имеют права на удел, что записан во вдовьем цензе.

— Ах вот как? — Волков усмехнулся. — Неправедно? Но почему-то вы заговорили об этом, лишь когда ваш батюшка умер... или был убит подлым способом.

Волков думал, что заденет графа этими словами, вызовет его раздражение, но не вышло. Теодор Иоганн фон Мален оставался все так же холоден и отвечал спокойно:

— Фамилия Мален не признает новорожденного своим родственником, и посему поместье графине не полагается. А коли вы желаете оспаривать поместье, так можете подать дело на рассмотрение суда равных. Благородные члены дворянского собрания графства соберутся и решат, кто прав: фамилия фон Мален или фамилия фон Эшбахт. А коли вас и это не устроит, так можете просить справедливости у нашего сеньора. Думаю, что его высочество Карл Оттон Четвертый, герцог фон Ребенрее, незамедлительно разрешит нашу тяжбу.

Все это граф говорил спокойно, вежливо и даже, кажется, с участием, но в каждом его слове кавалеру слышалась насмешка. Суд равных, суд сеньора! Да, конечно, он мог обратиться туда, но у Волкова не было ни малейшего шанса на решение в свою пользу, мало того, он мог с любого из этих судов угодить напрямую в подвалы к курфюрсту. Да, так как замка в поместье не имелось, он мог по своему самовластию послать туда пять десятков солдат, поставить форт, назначить своего управляющего и собирать с поместья деньги, но с юридической точки зрения это ничего бы не решило, поместье так и входило бы в домен семьи Маленов.